

Он смотрел на сочную зелень перед глазами и спокойно позвал Башню:

— Что ты мне тут нагенерировала?

Башня бесстрастно повторила принципы создания личного пространства, но воспоминания, которые только что промелькнули перед глазами Цзин Бая, были подобны мимолетным теням — он не успел ничего ухватить и не мог возразить, что этот дом, созданный Башней, ему не по душе.

Нельзя сказать, что домик был некрасив, но, если сравнивать с обычными комнатами, это место больше походило на... детскую.

Интерьер был прост и лаконичен, все удобства на месте, вот только вся мебель была деревянной, а вещицы — грубоватыми, но милыми, излучающими естественную простоту.

Цзин Бай подошел и взял со стола маленькую деревянную лошадку, уголки его губ дрогнули.

Все игрушки в комнате были выдержаны в одном стиле. Эта лошадка не выглядела изящной или искусной, напротив, она была круглобокой, с гладко отполированными углами. Несложно было догадаться, что хозяин дома — ребенок, которого очень сильно баловали.

Но какое до всего этого дело Цзин Баю?

Цзин Бай спросил Башню, можно ли перестроить комнату. Та ответила, что можно создать дизайн заново согласно его желаниям, но второго шанса извлечь глубокие воспоминания для оформления уже не будет.

Цзин Бай не стал ничего менять. В конце концов, по словам Башни, этот дом хоть как-то связан с его памятью. Однако, как он ни присматривался, никаких зацепок найти не удалось, и ему пришлось оставить эту затею.

Три дня пролетели незаметно. На исходе третьего дня Цзин Бай лежал на кровати с закрытыми глазами, как вдруг почувствовал неладное. Вскоре татуировка в форме башни на его запястье начала жечь.

В ушах раздался голос Башни:

— Идет передача в первый испытательный инстанс. Пожалуйста, сохраняйте эмоциональное равновесие, снижайте уровень загрязнения и стремитесь к вершине Башни, чтобы вернуть свет.

Когда он снова открыл глаза, перед ним была лишь пустошь.

Небо было хмурым, воздух казался подернутым серой дымкой, вокруг — ни души. Только завывал ветер, дополняя мрачное небо и создавая гнетущую, жуткую атмосферу.

Цзин Бай огляделся и вдалеке заметил несколько черепичных домиков, в ту сторону он и направился.

По пути никто больше не встретился. Чем ближе он подходил к деревне, тем жалобнее завывал ветер. Когда Цзин Бай ступил на вымощенную камнем тропинку, вдоль дороги не осталось даже полуживых сухих деревьев, отчего виднеющаяся впереди деревня казалась особенно унылой.

Стоило войти в инстанс, как в душе привычно заворочались раздражение и отвращение. Настроение, еще недавно спокойное, испортилось. К счастью, Белый нефрит продолжал излучать прохладную энергию, а поскольку вокруг никого не было, чтобы действовать ему на нервы, зловещая обстановка даже помогала сохранять внутренний покой.

Он молча дошел до конца тропы, откуда открылся вид на всю деревню. Очевидно, она была небогата: у въезда висела простая табличка с надписью Деревня Ван, чернила на которой уже поблекли.

Единственным странным моментом было то, что у входа, где обычно должно быть пусто, стояла группа людей. Один юноша, постоянно поглядывавший в эту сторону, при появлении Цзин Бая воскликнул:

— Хватит болтать, вот и он!

Кто-то радостно крикнул:

— Старший!

Так называть его мог только Юй Юэ. Даже Цзин Бай невольно удивился — надо же, снова попали в один инстанс.

Подойдя ближе, Цзин Бай молча оглядел собравшихся: вместе с ним их было ровно десять человек.

Девять человек у въезда смотрели на него. Кроме радостного Юй Юэ и семи-восьмилетнего мальчика, остальные глядели настороженно и недружелюбно.

Цзин Бай смутно осознал, что что-то не так, и мысленно спросил Башню:

— Есть ли какая-то закономерность в том, в каком порядке люди появляются в инстансе?

Башня ответила:

— Очередность прибытия зависит от уровня загрязнения: первым появляется тот, у кого уровень ниже всего, последним — у кого выше.

Это все объясняло.

В этот момент юноша, который первым заметил Цзин Бая, кашлянул и сказал:

— Хорошо, раз все в сборе, давайте познакомимся и скорее пойдем в деревню.

Юй Юэ незаметно пробрался к Цзин Баю и прошептал:

— Мы дошли до этой таблички и дальше не смогли пройти...

Цзин Бай кивнул. Вполне логично, что инстанс не начнется, пока все не соберется.

Они обменялись именами. Как только они вошли на территорию деревни, завывание ветра усилилось. То ли из-за того, что начинало темнеть, то ли еще почему, но стало холодно.

Самый старший в группе, мужчина по имени Чжоу Дэчан, распорядился:

— Нужно как можно скорее найти ночлег, нельзя оставаться на улице после наступления темноты.

Кто-то из группы испуганно спросил:

— Я только что прошел испытательный инстанс, здесь тоже будут призраки?

Чжоу Дэчан посмотрел на него с нескрываемым выражением лица:

— Ты дошел до этого места, неужели до сих пор не понял?

В группе снова воцарилось гнетущее молчание. Люди оглядывались по сторонам: дома в деревне были в основном двухэтажными, с плотно закрытыми дверями и окнами. В темных проемах ничего не было видно. Самый смелый постучал в ближайший дом, но дверь не открылась, и не было слышно ни звука.

Темнело всё сильнее. Ветер крепчал, люди ускорили шаг. Юй Юэ, обладавший зорким глазом, вдруг воскликнул:

— В той стороне свет!

Все приободрились и поспешили туда. Однако, подойдя ближе, увидели, что и этот дом заперт.

У дома была высокая ограда, выглядевшая величественно и совершенно неуместно в этой

полуразрушенной деревне. Под крышей висели два красных фонаря, излучавших тусклый свет, который на фоне белых стен и черной черепицы выглядел странно и зловеще.

Понимая, что скоро совсем стемнеет, а здесь хоть можно укрыться, один из мужчин подошел к воротам:

— Здравствуйте, есть кто дома?

Издалека ответил молодой женский голос:

— Иду!

Вскоре послышались легкие шаги. Молодая женщина приоткрыла дверь, выглянула и настороженно спросила:

— Вы кто такие?

Одета она была очень просто: обычная хлопковая куртка из синей ткани, черные брюки, на куртке виднелись следы штопки. На голове — женская прическа, поверх одежды — простенький синий фартук в цветочек. Но даже это не могло скрыть её красоты: стройная фигура, черные волосы, белоснежная кожа — она была словно цветок лотоса, распустившийся в чистой воде.

Мужчина, который стучал, — У Хуай, человек лет тридцати с небольшим, — увидев её, даже понизил голос и уже собрался придумать оправдание, как вдруг женщина просияла:

— Ой, вы, должно быть, от дяди из города? Приехали на семидесятилетие к нашей старухе-матери?

Люди еще не успели сообразить, кто такая эта старуха-мать, но Чжоу Дэчан поспешно ответил:

— Да-да, мы как раз приехали поздравить!

Услышав это, она тут же распахнула ворота, и её улыбка стала приветливее:

— Вы как раз вовремя, как только стемнеет, мы запираем ворота. В эти дни готовим угощения, совсем закрутилась и забыла, что вы должны прибыть сегодня. Я Сюфэн, дорогие гости, проходите скорее!

Она радушно пригласила их войти и пошла впереди, указывая путь.

Сумерки сгущались. В огромной усадьбе, кроме шагов их группы, не было слышно ни звука.

Помимо красных фонарей под крышами, других источников света не было. Тусклый красный свет в темноте напоминал чьи-то внимательные глаза, наблюдающие из тени, и от этого

становилось еще жутче, чем в полной темноте.

Одна из девушек в группе, не выдержав такой атмосферы, тихо спросила Чжоу Дэчана:

— Мы что, выдаем себя за других? Разве это хорошо?

Чжоу Дэчан ответил с серьезным видом:

— Это не обман, это Башня легитимизировала наши личности. Посещение этого банкета, видимо, и есть наша задача.

Цзин Бай хранил молчание, внимательно изучая окружение. Юй Юэ с момента входа в деревню дрожал, как перепелка, и следовал за ним по пятам. В какой-то момент он заметил, что за ним увязался еще один человек.

Тот самый семи-восемилетний мальчик тоже пристроился следом.

Цзин Бай задумчиво взглянул на ребенка. Он помнил, что мальчика зовут Сяо Хэн — при знакомстве тот назвал только имя. Но Юй Юэ сказал, что именно этот мальчик первым ждал всех у въезда, а значит, у него самый низкий уровень загрязнения.

В темноте мальчик, казалось, заметил взгляд Цзин Бая и улыбнулся ему.

В этой странной атмосфере Сюфэн привела всех в главный зал. Она разлила чай, попросила гостей присесть и сказала, что пойдет пригласит старуху-мать.

Как только она ушла, люди начали растерянно переглядываться, пока кто-то не выдержал:

— Семидесятилетие, о котором она говорила, — это и есть наша задача? Нам что, нужно дожидаться окончания банкета, чтобы уйти?

Никто не ответил. Все невольно уставились на Чжоу Дэчана, который выглядел самым опытным, как бы признавая его лидером. Тот помрачнел и раздраженно бросил:

— Мы только вошли, у нас лишь эта информация, откуда мне знать?

В этот момент наверху раздался вскрик и звук захлопнувшейся двери. Все вздрогнули, некоторые даже повскакивали с мест, но наверху снова воцарилась тишина, слышны были лишь сдавленные женские рыдания.

Вскоре Сюфэн снова вошла в зал. На её лице виднелись свежие красные полосы, глаза тоже покраснели, а голос звучал хрипло:

— Дорогие гости, старуха-мать уже легла спать. В нашем дворе есть гостевые комнаты, как раз

для вас. Я провожу вас отдохнуть.

Они последовали за Сюфэн во внутренний двор, где, как она и обещала, были гостевые комнаты. Их было десять человек, значит, по двое в комнате.

Комнаты ничем не отличались друг от друга, умывальня была в переднем зале. Юй Юэ, подумав о расселении, обратился к Цзин Баю:

— Старший...

Он не успел договорить, как женский голос испуганно вскрикнул, и Цзин Бай, почувствовав неладное, опустил взгляд.

Юй Юэ проследил за его взглядом и тоже замер.

Тот самый мальчик, Сяо Хэн, который всё время следовал за Цзин Баем, теперь обнимал его за ногу. На его изящном личике не было ни единой эмоции, что совершенно не вязалось с его поведением.

Вскрикнула одна из девушек, Гэн Сытянь. В группе было семеро мужчин и трое женщин; двое других уже объединились, и она хотела поселиться с мальчиком. Кто же знал, что, как только она повернется к нему, Сяо Хэн стремглав побежит к Цзин Баю и молча обхватит его за ногу.

Цзин Бай терпеть не мог, когда его трогают. Попытка припугнуть мальчика холодным взглядом провалилась, и он процедил:

— Отпусти.

Сяо Хэн не проронил ни слова, лишь поднял голову и посмотрел на него черными, как у щенка, глазами.

Цзин Бай на такое не велся. Ему не нравились прикосновения, и хотя из-за юного возраста ребенка он не испытывал сильной неприязни, сама ситуация его раздражала. Он уже хотел стряхнуть мальчишку, как вдруг Белый нефрит на груди излучил тепло.

Юй Юэ, увидев это, неловко почесал щеку:

— Э-э... а можно жить втроем в одной комнате?

Гэн Сытянь всхлипнула:

— Нет, я не хочу жить одна!

Сюфэн, которая до этого улыбалась, наблюдая за тем, как гости разбиваются по парам, теперь прикрыла след от удара на лице и жалобно произнесла:

— Дорогие гости, если комнаты останутся пустыми, старуха-мать решит, что я плохо вас приняла.

Значит, правило таково: в каждой комнате должно быть по двое.

Юй Юэ посмотрел на мальчика, который всё еще обнимал ногу Цзин Бая. Хотя ему самому очень хотелось прильнуть к «старшему», он понимал, что у него не хватит наглости конкурировать с настоящим ребенком, поэтому решил договориться с Гэн Сытянь:

— Тогда мы поселимся вместе?

Гэн Сытянь отчаянно закивала. Они выбрали комнату рядом с Цзин Баем и Сяо Хэном, предпоследнюю в коридоре.

Цзин Баю и Сяо Хэну досталась последняя комната в конце коридора. Как только Юй Юэ и Гэн Сытянь определились, Сяо Хэн отпустил ногу Цзин Бая и встал рядом, приняв вид послушного ребенка.

Хотя Белый нефрит выбрал Сяо Хэна, Цзин Бай не питал симпатии к мальчику, который провисел на его ноге полдня. Забрав у Сюфэн ключ, он вошел в комнату.

Сяо Хэн уже собирался последовать за ним, но Сюфэн, стоявшая рядом, наклонилась, с улыбкой погладила его по щеке и что-то прошептала на ухо.

Выслушав её, Сяо Хэн не изменился в лице, лишь уставился на неё своими черными глазами.

Сюфэн поправила прядь волос, выбившуюся из прически, и одарила его нежной улыбкой.

<http://bllate.org/book/21799/2255662>